

Раздел 3.

Международные организации в АТР

В. Я. ВОРОБЬЕВ

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Виталий Яковлевич Воробьев, старший научный сотрудник Центра исследования Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: asia@mgimo.ru

***Аннотация:** Автор размышляет о перспективах развития ШОС согласно стратегии, намеченной на Уфимском саммите 2015 года, о ее возможной сопряженности с китайской инициативой Шелкового пути. Анализируются этапы глобальной стратегии Китая и ее принципиальные сдвиги в последние годы в сравнении с установками эпохи Дэн Сяопина.*

***Ключевые слова:** ШОС, Китай, Шелковый путь, стратегия развития, геополитика.*

Чем и как встретит Шанхайская организация сотрудничества своеобразный юбилей — свое 15-летие, которое приходится на 2016 год? В прошедший период Организация весьма уверенно экстенсивно росла. Запущены и лучше или хуже работают многочисленные и разнообразные механизмы, призванные стимулировать многостороннее взаимодействие по трем главным направлениям: обеспечение безопасности и стабильности, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное. Непредвиденно быстро разросся географический ареал ШОС. Помимо шести государств-основателей (Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан), теперь имеется шесть наблюдателей (Афганистан, Белоруссия, Индия, Иран, Монголия, Пакистан) и шесть партнеров по диалогу (Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка). Организация пользуется значительным международным признанием, о чем, в частности, говорит статус наблюдателя при Генеральной ассамблее ООН.

В целом ШОС, исходя из формальных критериев, состоялась как самостоятельная межгосударственная региональная структура. О том, что этап становления Организацией пройден, свидетельствует факт одобрения на Уфимском саммите в июле 2015 года Стратегии развития ШОС до 2025 года. Ее старательно отфильтрованный текст не столько выдает новые серьезные целеполагающие ориентиры на будущее, сколько фиксирует сложившийся статус-кво. Иными словами, на предстоящий период предлагается сценарий скорее инерционного, чем инновационного движения. Ничего предосудительного и зазорного в таком выборе для мо-

лодой организации нет, если, следуя прозвучавшим разъяснениям, упор станут делать на улучшении качества многогранной деятельности ШОС и ее внешнего позиционирования, повышении коэффициента полезного действия всех ее органов и механизмов. Жизнь, конечно, будет вносить свои коррективы. На горизонте уже замаячил ряд серьезных вызовов для Организации.

* * *

Прежде всего притягивает к себе внимание абсолютно новый фактор, о котором в Стратегии упомянуто лишь вскользь.

Уфимский саммит принял наряду со Стратегией судьбоносное по своей сути решение, а именно: ядро ШОС не будет в дальнейшем сохраняться в неизменном виде, а станет пополняться новыми членами. В связи с этим ссылаются на положение об открытом характере Организации, содержащееся в Хартии ШОС. Оно получает безразмерно широкое толкование. Первые признаки вероятности подобной трансформации обозначились еще десять лет тому назад. Тогда было признано резонным повременить с рассмотрением, тем паче с удовлетворением, уже поступавших обращений, поскольку Организация только становилась на ноги. Процедурные аспекты приема новых членов требовали предварительной тщательной отработки, так как они практически отсутствовали в изначальной нормативной базе Организации.

Вокруг ядра, которое в течение нескольких лет справедливо отдавало приоритет задачам своей внутренней консолидации, стали складываться два пояса, состоящие из государств — «наблюдателей» и «партнеров по диалогу». Их наличие и поступление все новых заявок воспринималось в качестве зримого показателя авторитетности и притягательности ШОС. Правда, взаимодействие с ними до недавнего времени сводилось в основном к контактам протокольного порядка. Судя по тенденции, проявившейся в Уфе, когда одновременно Белоруссия повысила до «наблюдателя», а партнерство по диалогу предоставили Азербайджану, Армении, Камбодже и Непалу, группа симпатизантов ШОС имеет перспективу постоянного и, похоже, безлимитного увеличения, ибо поток желающих не иссякает. В официальном лексиконе стал употребляться весьма неоднозначный по смыслу термин «шосовская семья», имеющий скорее пропагандистско-саморекламный привкус.

Договоренности, зафиксированные в Уфе относительно начала процесса абсорбции Индии и Пакистана в основной состав ШОС, не просто означают, что следующей фазе ее существования будут присущи некие новые особенности. На деле они дают «зеленый свет» гораздо более существенным радикальным и далеко идущим переменам в жизни Организации. По существу речь можно вести о переходе ШОС в совершенно иное, чем до сих пор, состояние, при тех же внешне институциональных контурах функционирования. Важно видеть в соответствующих решениях по указанным двум странам прецедентный характер, чем наверняка захотят воспользоваться другие «соискатели». Существующие на сегодня критерии приема новых членов политически отнюдь не строги. Кроме того, каких-либо ограничений на количество членов Организации пока не установлено, а «новички», приходя в нее, формально сразу становятся «на одну ногу» с государствами-основателями.

Таким образом, ШОС теперь оказывается не перед альтернативой — идти ли по пути расширения основного состава, а перед необходимостью определяться стратегически, как далеко она может позволить себе зайти по этому пути, не допуская смещения своей региональной сфокусированности на проблематике Центральной Азии. Любые поползновения сбить заложенную в ШОС центровку, пусть даже де-факто, как представляется, будут вызывать раздражение и возражения у центральноазиатских участников, расшатывать консолидирующие начала в ШОС. Так или иначе, растущую актуальность приобретает вопрос о том, чтобы, не откладывая в долгий ящик, очертить в рамках существующего состава ШОС единое понимание оптимальной критической массы, которую может выдержать Организация в процессе расширения (все новые члены, наблюдатели, партнеры по диалогу), без опасности надломиться из-за собственной сверхтяжести или мутировать в нечто гигантское по размаху, но далеко отстоящее от первоначальных проектов 15-летней давности.

Интеграция новых элементов в уже налаженную и работающую систему всегда сопряжена с трудностями обоюдной притирки, несет в себе риски ослабления общефункциональной слаженности и усиления неповоротливости как в повседневном режиме внутренней бюрократии, так и особенно при принятии необходимых решений. При появлении новых интересов, которые будут не только спорадически декларироваться, но и уверенно продвигаться, неизбежно усложнится практика применения правила консенсуса, главенствующего в ШОС, хотя, наверно, добавит красок в искусство его построения.

Независимо от субъективных пожеланий и чьих-то предпочтений, возникающая непривычность ситуации сама по себе не может не порождать те или иные проблемы и трения текущего порядка. В том числе, по причинам, внешне кажущимся незначительными. Таким, например, как различия в артикуляции оттенков мнений в силу других стандартов и традиций формирования формулировок и лексико-грамматических приемов построения фраз, а также точности их передачи на русском и китайском языках. Двуязычность ШОС представляется одной из ее фундаментальных основ, которую, думается, не следует размывать.

Весьма важным на перспективу видится утвердившееся на саммите понимание, что получение членства в ШОС – это не одноразовое действие, а некий процесс, старт дается сообразно политическим критериям. Потому в Уфе воздержались от решения по Ирану. Содержательную и процедурную стороны определяет пакет документов, в окончательном виде принятый главами шести государств в 2014 году. Длительность этого процесса зависит главным образом от того, сколько времени у страны-заявителя в соответствии с собственным законодательством займет безоговорочное присоединение ко всем действующим в ШОС многосторонним соглашениям, которых на текущий момент насчитывается свыше трех десятков. Предстоит также урегулировать с виду технические, но на деле существенные и подчас чувствительные вопросы относительно долей, вносимых новыми членами в бюджет ШОС и прямо увязанных с ними квот персонала, направляемого соответствующим государством в постоянно действующие органы – Секретариат в Пекине и Исполком Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте.

Подготовкой к приспособлению к новому состоянию придется заняться и самой Организации. Особенно это затронет постоянно действующие органы. Так сложилось, что они с точки зрения компоновки и бюрократической устойчивости привыкли и во многом приспособлены к формату «шестерки». Весьма непросто будет приноровиться Исполкому РАТС, ибо там работают не дипломаты, а эксперты специальных ведомств со своими специфическими правилами и порядками, в том числе касающимися доступа и обмена информацией, носящей во многом конфиденциальный характер.

Секретариат, насколько можно судить, еще набирает обороты в освоении и использовании предоставленных ему полномочий и возможностей. Он пока не дотягивает до того, чтобы быть функциональным интегратором и мониторинговым координатором всей полифонии деятельности ШОС. Очевидно, было бы оправданным в самое ближайшее время обратить приоритетное внимание на подстройку работы Секретариата с учетом уже назревших потребностей и грядущих новых реалий в жизни Организации.

Несмотря на имеющиеся недостатки, естественные для молодой и стремительно растущей Организации, постоянно действующие органы, как убедительно показывает практика деятельности ШОС, приобрели одно очень ценное свойство, которое необходимо беречь, укреплять и культивировать. Речь идет о положительном опыте и навыках повседневного конструктивного ровного доброжелательного общения представителей нынешних государств-членов, независимо от конъюнктуры отношений между ними, разных религиозных воззрений, различий в культурных традициях и бытовых укладах.

Выстраивание механизма плотного взаимодействия с наблюдателями также выдвигается в первые строки повестки дня ШОС (Индия, Пакистан и любые другие кандидаты на попадание в основной состав ШОС остаются в своем прежнем статусе до полного завершения процесса приема). Вряд ли здесь стоит изобретать какие-то новые любительские конструкции. Думается, наиболее подходящим было бы обратиться в качестве базы к давно освоенному и достаточно эффективному варианту «все государства-члены плюс один». Индивидуализация подхода к каждому наблюдателю поможет сделать сотрудничество взаимно практически заостренным. Такая схема могла бы вобрать в себя проведение встреч по формуле «госу-

дарства-члены плюс все наблюдатели». Видимо схожая формула могла бы быть применена и к партнерам по диалогу. Причем не следует упускать из виду, что статус наблюдателя и партнера не возбраняется запрашивать у ШОС другим международным организациям.

ШОС должна не только хотеть расширяться, но и быть адекватно подготовленной к этому. Прежде всего это касается увеличения ее ядра. Продуманность, взвешенность, эшелонированность необходимо поставить во главу угла в этом крайне ответственном начинании, дабы избежать появления каких-либо раздражителей, деструктивных девиаций или «мин замедленного действия», которые внезапно дадут разрушительно о себе знать впоследствии при быстрых и резких переменах в международной или региональной ситуации, что все более присуще современному миру.

* * *

Нетравматичность расширения — один из уже начавшихся экзаменов для ШОС. Крупной, исторически долговременной задачей, граничащей с вызовом, решение которой придется еще искать, является определение оптимальной диспозиции ШОС применительно к идее нового Шелкового пути.

Провозглашенные председателем КНР осенью 2013 года два призыва — создавать сухопутный и морской маршруты нового Шелкового пути — оказались отнюдь не дежурными красивыми фигурами речи. Они сразу были глубоко встроены в дипломатическую практику Китая, стали лейтмотивом масштабной пропагандистской кампании, хотя в значительной мере сохраняют контурный характер. Сейчас можно с большой долей уверенности говорить о том, что речь в сущности идет не просто о придании международному позиционированию Китая нового облика и стиля. Подоплекой инициатив китайского лидера видится стратегическая заявка нынешнего, пятого поколения китайских руководителей на то, чтобы приступить к третьей фазе осуществления базовой установки внешней политики на независимость и самостоятельность.

Первая фаза связана с утверждением данной внешнеполитической установки в период «культурной революции» (1960–1970-е годы), во многом затеянной Мао Цзэдуном именно в этих целях. Ее центральным посылом был демонстративный разрыв с предыдущей политикой «крена в одну сторону (ибяньдао)», то есть в сторону Советского Союза, символическим воплощением которой был заключенный в январе 1950 года в Москве союзный договор сроком на 30 лет. Подспудно в международной деятельности тогдашнего Китая приглушалась идеологическая риторика. Выдвижение «теории трех миров», полностью лишенной намек на партийно-коммунистические критерии, но наглядно демонстрировавшей разъединение КНР и КПК с СССР и КПСС, расчищало пекинскому руководству поле для новой «большой игры» под лозунгом независимости и самостоятельности без оглядки на условности недавнего времени. Ее показателем стала нормализация отношений с США, инициированная лично китайским вождем. Вашингтонская администрация уловила и правильно восприняла сигналы из китайской столицы, прагматично и рационалистически «прикрыв глаза» на репрессивные и разрушительные эксцессы «культурной революции». Именно в те годы начал складываться треугольник США — СССР — КНР. В нем Китай смотрелся уже отдельным статусным фактором в раскладе ведущих мировых сил. Показательно, что при всем критическом неприятии левацко-радикальных теоретических и практических моментов «культурной революции» в сегодняшнем Китае не вызывает нареканий то, что тогда удалось сделать в сфере внешней политики, и в этом контексте позитивно оценивается роль Мао Цзэдуна.

Следующая фаза, точкой отсчета которой можно принять конец 1970-х годов, длилась свыше 30 лет. В этот период Китай сумел внутренне резко настроиться на задачи хозяйственного развития, преуспел в проведении всесторонней модернизации и стал общепризнанной «главной мастерской мира», второй державой по целому ряду валовых экономических показателей, реально оказывающей все возрастающее воздействие на глобальную экономику и процессы, в ней происходящие. Подчинение внешней политики обеспечению достижения внутренних ориентиров потребовало реконфигурировать курс независимости и самостоятельности. От возникшего крена в сторону Запада, принесшего немалые дивиденды, но обнаружившего свои лимиты и неудобства, Пекин довольно быстро и эффективно перешел

к разновекторности и динамичной сбалансированности, что по сей день определяет суть внешних сношений КНР.

Называя заключение и вступление в военно-политические союзы реликтом мышления «холодной войны», Китай вместе с тем начал демонстрировать предпочтение формированию партнерских отношений с различными государствами, в том числе стратегического и всеобъемлющего характера. За 20 лет после первого такого рода прецедента с Российской Федерацией у Китая образовалась сеть или система разноуровневых партнерств более чем с 70 странами.

На этот раз показателем перенастройки курса стала полная нормализация отношений с СССР на рубеже 1990-х годов, включая исторически значимое урегулирование пограничных вопросов, постепенное превращение границы в полосу добрососедства и основу для развития доверия в военной области (все это, кстати, осуществлялось Китаем без ущерба для его политических и деловых контактов с Западом). Самоликвидация Советского Союза в 1991 году еще более укрепила убежденность Пекина в верности и необходимости продолжения уже взятой линии внутри страны и в международном общении. Образование новых государств на пространстве бывшего СССР было прагматически расценено как неожиданное возникновение дополнительного потенциального ресурса для решения внутренних модернизационных задач и расширения поля внешнеполитического маневрирования с учетом прекращения существования треугольника США – СССР – КНР в его прежнем формате. Развитие этих взглядов привело Пекин к решению дать согласие стать одним из учредителей ШОС. Тем более что она замышлялась и выстраивалась как своего рода многосторонний институт партнерства в сферах совпадающих интересов.

Бесспорна заслуга Дэн Сяопина в этой фазе политики независимости и самостоятельности, которая вытекала и опиралась на заложенную им же и действующую поныне модель китайского экономического устройства, по своей природе напоминающую римейк ленинско-бухаринских представлений о НЭПе, сильно подтянутых к современности и постоянно адаптированных к потребностям глобализованного и информатизированного мира. На многие годы она обеспечила Китаю очень высокие темпы роста и позволила ему утвердиться в ряду перворазрядных стран современного мира. Политическое наследие Дэна включает в себя, в том числе, известную внешнеполитическую стратегию из 24 иероглифов: «Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и никогда не брать на себя лидерство».

Инициатива Си Цзиньпина насчет нового Шелкового пути, очевидно носящей глобалистский характер, а также новый почерк китайской дипломатии (планетарная всеохватность, гибкость при дозированной напористости в отстаивании «коренных интересов»), сдвиги в акцентах и оттенки тональностей комментаторской риторики, проявляющейся в последнее время, если их анализировать в совокупности, подводят к предположению: не подвергается ли дэнсяопиновская формула переосмыслению? В пользу такого умозаключения говорит назойливое подчеркивание целей «возрождения китайской нации», словно Китай вновь находится в преддверии каких-то серьезных поворотов в своей исторической судьбе. А какие мобилизующие интенции закладываются в лозунг осуществления «китайской мечты», если он все заметнее ассоциируется с постановкой амбициозной, но весьма неоднозначно звучащей цели «возвышения Китая»?

Фактор выхода Китая на позиции второй в мире экономической державы – явление, само по себе относящееся к сфере экономики, объективно не может быть предметом «сокрытия» даже в частностях, каковы бы ни были субъективные желания в Пекине. Соответственно, это распространяется и на военный потенциал Китая, который, будучи производным от этого фактора, не может не увеличиваться и не совершенствоваться. Следствием подобной эволюции становится проекция накапливаемой мощи в сферу геополитики. Иное было бы противоестественным для исторической логики. Почему собственно Китай должен составлять исключение из этой закономерности?

Как представляется, проблема состоит не столько в том, нужно ли это Китаю и сможет ли он в принципе занять адекватное военно-политическое место в мировом раскладе сил, образовать, так сказать, второй по значимости самостоятельный глобальный полюс, если использовать терминологию перспективы формирования нового миропорядка на основе

многополярности, в рамках которой, кстати, может образоваться свой ранжир — градация весомости полюсов.

В Пекине размышляют скорее о том, как более органично и безболезненно для нынешней в целом благоприятной для Китая международной имиджевой составляющей обставить эволюцию в указанном выше направлении, принимая во внимание распространенное сильное предубеждение не только к «моносверхдержавности», но и к «сверхдержавности» вообще в устоявшемся прежнем значении этого термина. Тем более что его сугубо негативное толкование было глубоко внедрено партийной пропагандой в свое время в сознание китайских масс.

Вызревающий переход Китая к занятию лидерских позиций в глобальном измерении, думается, составит основное целевое содержание новой фазы политики независимости и самостоятельности. Судя по всему, она, подобно предыдущей, займет продолжительный период времени, далеко выходящий за десятилетний предел нахождения у власти действующего китайского руководства. Ему придется во многом сосредоточиться на укреплении материальной базы перехода. Упор уже делается на формировании новой инновационной модели обязательного экономического роста в оптимальных пределах не ниже 6–6,5 % в год. В том числе, это остро необходимо для обеспечения социально-политической стабильности внутри страны. Берется курс на поощрение и расширение рыночных начал, еще более плотное встраивание Китая в процессы глобализации.

На место «сделано в Китае» (Made in China), хорошо знакомому всему миру бренду¹, должен прийти качественно другой: «создано» (изобретено) в Китае» (Created in China). Иными словами, смысловой нагрузкой искомой модели роста является следующий виток модернизации Китая. Его цель состоит в подтягивании экономики в целом, в первую очередь в сфере собственных суперсовременных технологических разработок, до уровня самых передовых западных стран, хотя по ряду позиций Китай в этом отношении уже сегодня вполне конкурентоспособен. Намечается форсирование использования возможностей центральных и особенно западных регионов Китая, в том числе, за счет перемещения многих мощностей из наиболее продвинутых прибрежных районов. Последние же будут превращаться в ведущие инновационные полигоны за счет канализирования соответствующих зарубежных инвестиций и дальнейшей либерализации режимов в свободных экономических зонах. Излишние производственные мощности (в различных базовых отраслях сегодня насчитывают до 30–50 %) предполагается выносить за рубеж. То есть Китай берет на вооружение методiku, примененную несколько десятилетий тому назад рядом развитых стран, в том числе Японией, в отношении проведения индустриализации молодых тогда развивающихся государств. Таким образом, принцип движения «с востока на запад» будет во многом определять лицо и сущность новой модели экономического роста, темпы которого были бы приемлемыми как для обеспечения внутренних потребностей, так и для упрочения за Китаем места второй экономической державы мира.

Формируемая модель, с одной стороны, призвана выступать в качестве основного источника и поставщика финансовых ресурсов и товарных потоков по «экономическому поясу» и «морскому маршруту» нового Шелкового пути. С другой стороны, в завершенном виде она может подаваться в Китае и перед международным сообществом в качестве наглядного показателя практического воплощения идеи Шелкового пути. При этом все же остается непроясненным, какие конкретные объекты можно отнести на счет ее реализации и по каким критериям их следует выделять из огромного массива двусторонних межгосударственных договоренностей. Ведь так можно навешивать ярлык нового Шелкового пути механически и произвольно на все более-менее заметные проекты, будь то внутри Китая или за его пределами, но с его участием — что, кстати говоря, уже широко практикуется.

Обращает на себя внимание непрерывная подвижность географических рамок пространства нового Шелкового пути. Еще недавно упоминались примерно 40 стран с населением около 3 млрд человек на Евразийском континенте. Теперь уверенно говорится почти о 70 государствах и о более чем 4 млрд жителей, включая северную часть Африки и Австралию. Все чаще пробрасывается тезис о самой широкой открытости китайского начинания.

¹ Строго говоря, это не бренд, а наименование места происхождения товара, но в некотором расширительном смысле определенное сходство с маркетинговой категорией бренда у такого наименования можно усмотреть. — *Прим. ред.*

Стоит напомнить, что Си Цзиньпин, намечая осенью 2013 года основные параметры своих предложений, на первое место поставил задачу не инфраструктурной взаимосвязанности, как это кажется многим, а политической объединенности всех участников на основе модернизированного переложения известных принципов мирного сосуществования с несколько экономическим уклоном. Впоследствии это было быстро соединено с его же призывом к формированию общечеловеческого «сообщества одной судьбы», первоначально прозвучавшего весной того же года в Москве на лекции в МГИМО МИД России.

Думается, выискивать несостыковки, недомолвки и неконкретности в китайской идее нового Шелкового пути, упрекать в затягивании ее концептуального оформления (в самом Китае понятие концепции официально не употребляют) и в отсутствии внятной «дорожной карты ее реализации» означает сводить все дело к частностям, бить мимо главной долгосрочной смысловой цели – выхода Китая на арену глобального проектирования.

Примечательно и то, что в Пекине изначально заявляют, что никакие из действующих на пространстве нового Шелкового пути международных объединений не рассматриваются в качестве помех для реализации выдвинутых идей. В таком случае Китай сам должен будет искать формат приспособления к таким структурам, о чем можно судить из прецедента начавшихся консультаций с Евразийским экономическим союзом.

Философия нового Шелкового пути во всем созвучна тому, что с самого начала исповедует и практикует ШОС. Этот факт определенно указывает на то, что реализация идеи нового Шелкового пути не может и не должна рассматриваться как нечто противостоящее ШОС. Наоборот, они вполне совместимы. В данном контексте ШОС, как представляется, не стоит впадать в повышенную активность с намерением найти для себя какую-то особую нишу. Ей надо оставаться тем, чем она уже является – сложившейся самодостаточной авторитетной межгосударственной структурой и действовать по собственным планам и предназначениям. Поскольку Китай для ШОС не сторонний актер, а страна-основатель, то его образ действий внутри Организации может помочь составить более объемное, четкое и непосредственное представление о том, как им мыслится реализация идей нового Шелкового пути.

В нынешних обстоятельствах для ШОС добавляются новые полезные возможности в виде международного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (его руководство отрицает версию, будто банк создан исключительно для обслуживания идеи Шелкового пути), различных крупных фондов, плодящихся в Китае под брендом Шелкового пути.

Для России, как убедительно показал год ее председательствования в ШОС и Уфимский саммит в июле 2015 года, площадка ШОС была и будет впредь важной составляющей ее внешней политики. Превратности международного климата требуют от России осуществления многоазимутной дипломатии, значительного повышения эффективности ее Восточного направления. А здесь смыкаются задачи укрепления ШОС и принятия действенного участия в реализации идей нового Шелкового пути.

THE JUBILEE YEAR OF SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Vitaliy Vorobiev, Senior Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

The author contemplates about the prospects of SCO development according to the strategy formulated at the Ufa-2015 summit and its possible conjugation of this strategy with Chinese initiative of Silk Road. The stages of China global policy and the most recent shifts as compared with the political attitudes of Deng Xiaoping era are described.

Keywords: *SCO, China, Silk Road, development strategy, geopolitics.*